СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
ТОМ 48 · № 3 · 1989

ИВАНОВА Т. А.

К ИСТОРИИ ОДНОГО ЗАГЛАВИЯ

(«И один в поле воин»)

Памяти В. В. Виноградова

В. В. Виноградов в своих многочисленных работах, посвященных языку художественной литературы, неоднократно подчеркивал эстетическую и стилистическую значимость каждого компонента художественного произведения. Однако, кажется, нигде он не останавливал своего пристального внимания на таком существенном компоненте художественного произведения, каким является заглавие. Вместе с тем конкретный стилистический комментарий к некоторым заглавиям в работах В. В. Виноградова имеется. Так, например, в статье «О теории поэтической речи» он писал: «В рассказе Скитальца „Сквозь строй" интересен прием превращения заглавия в индивидуально-художественный образ трагической жизни отца рассказчика ⟨...⟩ Выражение „сквозь строй" превращается в процессе формирования обобщенного образа в единое сложное имя существительное: кончится „сквозь строй", а далее от него образуются формы склонения: «жизнь моего отца представляется мне таким длинным-длинным „сквозь строем" из розог, плетей» и т. п.» [1].

Общеизвестно, какое большое значение придают сами писатели, да и другие авторы, наименованию своего произведения. Недаром З. Д. Блисковский свою книгу, посвященную заглавию, назвал «Муки заголовка», предпослав ей в качестве эпиграфа такие слова К. Г. Паустовского: «О, эти постоянные мучительные поиски названий!» [2].

Психология озаглавливания, как справедливо недавно заметила Н. А. Кожина, «уникальна в каждом отдельном случае» [3, с. 26—27], однако имеет несколько основных типов, некоторые из которых уже были описаны С. Д. Кржижановским [4].

I тип — дотекстовые заглавия (по Кржижановскому,— Ante-Scriptum), психологически и хронологически предваряющие текст. Эти заглавия возникают в сознании писателя как некий импульс, побуждающий его к созданию последующего текста. По данным З. Д. Блисковского, заглавия почти всех пьес Чехова сложились еще до того, как они были написаны:

«„Лешего" писать начну лишь через несколько месяцев, но заглавие уже есть».

«У меня есть сюжет „Три сестры", но прежде чем не закончу тех повестей, которые давно уже у меня на совести, за пьесу не сяду».

«Пьеса задумана, правда, и название ей у меня уже есть („Вишневый сад" — но это пока секрет) и засяду писать ее, вероятно, не позже конца февраля» [2, с. 62].

II тип — внутритекстовые заглавия (по Кржижановскому,— In-Scriptum), психологически и хронологически возникающие при осуществлении замысла и влияющие на текст произведения. «Дозаглавный рост

черновика,— писал С. Д. Кржижановский,— почти всегда резко отличен от роста черновика, уже нашедшего свое заглавие» [4, с. 23]. С точки зрения Н. А. Кожиной, таково название романа Л. Толстого «Война и мир», начало которого было опубликовано в журнале «Русский вестник», как известно, под заглавием «1805 год».

III тип — послетекстовые заглавия (по Кржижановскому,— Post-Scriptum). Подобные заглавия раскрывают свою смысловую и художественную значимость в последних словах произведения. «*Главное* в конце текста,— пишет Н. А. Кожина, — рождает его *заглавное* начало». Таковы, с ее точки зрения, заглавия многих произведений Тендрякова,— например повести «Суд», которая заканчивается такими словами: «Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести» [3, с. 29].

Наконец, следует выделять еще внетекстовые заглавия, психологически и хронологически возникающие после того, как текст произведения уже создан. Преимущественно это новые заглавия, т. е. переименования, сменившие прежние, в чем-то не удовлетворившие автора. Само собой разумеется, что с текстом произведения они так или иначе связаны, но создаются писателем после того, как работа над произведением закончена, а оно могло быть и опубликовано.

Различны и пути поиска заглавия, преодоления тех мук заголовка, о которых было сказано выше. Например, известны случаи, когда заглавие дается не самим автором, а по совету другого лица. Так, Л. Толстой в дневнике от 12 марта 1856 г. отмечает: «Задумал отца и сына». Спустя месяц он записывает: «Кончил даже поправки „Отца и сына“, которых, по совету Некрасова, назвал Два Гусара — лучше» (Полн. собр. соч., т. 47, с. 68).

В некоторых случаях с полемической или даже пародийной целью автор может использовать чужое заглавие, подвергая его при этом определенной деформации или трансформации. Так, известно, что К. Маркс, назвав свою работу «Нищета философии» («Misére de la philosophie»), перефразировал заглавие работы Прудона «Философия нищеты» («Philosophie de la misére»), против теории которого и была направлена работа Маркса.

Раз найденное, часто в мучительных поисках, заглавие обычно оберегается автором от каких-либо посягательств на него со стороны других лиц. Так, например, Н. С. Лесков опубликовал в «Новом времени» письмо в редакцию, озаглавленное «Чужое заглавие», в котором возражал против «эксплуатации» его заглавия «Рассказы кстати», использованного другим автором (Собр. соч., т. 11, М., 1958, с. 253).

Вместе с тем в истории русской литературы известны случаи, когда под одним и тем же заглавием публиковались произведения разных авторов. К числу их относится и интересующее нас заглавие «И один в поле воин» — это название двух произведений разных авторов — Г. А. Мачтета и Ю. П. Дольд-Михайлика.

В 1977 г. в журнале «Русская речь» появилась небольшая заметка под названием «И один в поле воин», автор которой А. С. Юрченко писал, что выражение *и один в поле воин* возникло на основе антонимического переосмысления пословицы *один в поле не воин*, известной всем восточнославянским языкам, и распространилось в России во второй половине XIX в. после выхода в свет романа Г. А. Мачтета «И один в поле воин» [5, с. 75].

Это в общих чертах справедливое и очевидное утверждение, однако, нуждается в ряде уточнений, дополнений и поправок.

Человек незаурядной судьбы, писатель-народник Г. А. Мачтет (1852—1901) начал работу над романом в 1882 г., находясь в ссылке в Западной Сибири. Впервые роман был опубликован в 1886 г. в «Северном вестнике» под названием «Из невозвратного прошлого (Роман из жизни юго-западного края)».

Критика нового произведения Мачтета была достаточно разноречивой. Однако, как ни противоречивы были оценки романа, критики были единодушны в том, что главный герой романа, от лица которого ведется повествование, Ясь Кожух,— это «мерзавец слишком чистой воды» [6], «человек крайне несимпатичный» [7]; «лакействующий подлец» и «мелодраматический изверг» [8].

И вот в следующем, 1887 г. в отдельном издании романа этот отрицательный герой заявляет о себе новым его заглавием, что он «*и один в поле воин*». В связи с этим возникает серьезное сомнение в справедливости вывода, предложенного А. С. Юрченко, что выражение, использованное Мачтетом в качестве заглавия, «могло бытовать в среде народников как один из основных девизов их деятельности» [5, с. 76]. Вряд ли писатель-народник мог «один из основных девизов» своей деятельности употребить с отрицательной коннотацией, приписав его своему отрицательному герою. В этом случае следует согласиться с точкой зрения современных исследователей творчества Г. А. Мачтета.

Так, К. С. Туканова справедливо утверждает, что «автор всем содержанием романа приводит читателя к пониманию ложности того вывода, который сформулирован от имени отрицательного героя-рассказчика. С точки зрения автора — один в поле не воин» [9]. Точно так же и В. М. Физиков в работе, посвященной жизни и творчеству Мачтета, пишет, что автор откровенно полемизирует с героем, твердо убежденным, что «и один в поле воин»: «По логике Мачтета, один в поле не воин: для автора очевидно разлагающее влияние индивидуализма на народный характер» [10].

Касаясь изменения заглавия романа, современные исследователи единодушны в том, что прежнее, «нейтральное» заменяется «социально более острым и выразительным, подчеркивающим обличительную направленность произведения» [11]. При этом В. М. Физиков сообщает, что Мачтет еще до того, как дать своему произведению «необычное и броское» заглавие «И один в поле воин», предполагал и такое — «Как я вышел в люди» [12].

Однако никто из современных исследователей, за исключением А. С. Юрченко, с точкой зрения которого согласиться невозможно, не попытался объяснить, что побудило писателя к переосмыслению известного афоризма *один в поле не воин* и к употреблению его фразеологического антонима в качестве внетекстового заглавия собственного произведения. Видимо, это связано с тем, что объективно достоверные данные для ответа на этот вопрос отсутствуют.

Однако представляется возможным найти ответ на поставленный вопрос, если исходить из тех положений, которые были сформулированы В. В. Виноградовым в качестве основополагающих при анализе художественного произведения. Так, В. В. Виноградов писал о том, что каждое «художественное произведение занимает свое место в контексте современной ему художественной литературы и находится в связи и соотношении не только с другими произведениями того же автора, но и с чужими произведениями того же жанра и даже смежных жанров. От него тянутся нити аналогий, соответствий, контрастов, родственных связей по всем направлениям, даже в глубь литературного прошлого» [13].

Учитывая это важное положение В. В. Виноградова, выскажем предположение, что новое, внетекстовое название романа Мачтета «И один в поле воин» находится в связи с заглавием произведения другого автора и представляет собой контрастную трансформацию чужого заглавия. В данном случае имеется в виду русское заглавие знаменитого в свое время романа Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин».

Н. О. Лернер в Предисловии к роману Шпильгагена писал: «Трудно назвать не только иностранное, но и свое русское литературное произведение, которое оказало бы такое сильное влияние на русских читателей, как этот роман. У нас, можно без преувеличения сказать, он сразу по-

действовал глубже и действовал гораздо дольше, чем в Европе» [14, с. 3]. И далее Н. О. Лернер привел многочисленные высказывания различных русских общественных деятелей и писателей о романе Шпильгагена, ставшем «на долгие годы одною из книг, которыми воспитывались в русской молодежи революционные чувства» [14, с. 5] [1].

Роман Ф. Шпильгагена (1829—1911) «In Reih und Glied», что может быть переведено на русский язык более точно, как «Сомкнутыми рядами» или «В сомкнутом строю», увидел свет в Германии в 1866 г. и тотчас же был переведен на русский язык и опубликован Г. Е. Благосветловым под нейтральным названием «Семейство лесничего» в журнале «Дело». Действительно, в романе повествуется о семействе лесничего Франца Гутмана, точнее, о его детях, Вальтере и Сильвии, а также о племяннике Лео— главном герое романа.

В 1867 г. роман выходит отдельным изданием уже под тем заглавием, которому было суждено закрепиться за ним в России,— «Один в поле не воин». Это заглавие, данное роману Благосветловым и отражающее его точку зрения на главного героя, несомненно связано с текстом романа, на многих страницах которого мысль, выраженная этой русской пословицей, находит свое воплощение.

Уже в первых откликах на роман Шпильгагена содержится критика русского заглавия романа. Так, автор рецензии, опубликованной в «Отечественных записках» за 1868 г. № 3 (отд. II, с. 89—90) [2], признавал, что роману дано «неудачное заглавие»: «Таким названием как бы предосуждается и обрекается неуспеху всякая самобытная одиночная деятельность человека, в каком бы то ни было направлении, как бы ни велико было напряжение его энергии, и как бы ни высоко было качество его умственных и нравственных сил. Справедливо, что один человек и с таким закалом не может сделать всего; но он, бесспорно, может сделать весьма многое, чему несомненным подтверждением служит даже и деятельность самого Лассаля (прототип Лео Гутмана.— *Т. И.*), тем более, что в жизни ведь просто никогда и не бывает, чтобы кто-либо мог действовать совершенно одиноким».

Другой критик «Отечественных записок», М. К. Цебрикова, известная и популярная в демократических кругах писательница-публицист, разделяя точку зрения Курочкина и признавая, что заглавие «Один в поле не воин» заранее осуждает на неудачу всю деятельность главного героя, предложила даже свой вариант заглавия: «In Reih und Glied» означает «рядами и шеренгами», пишет Цебрикова, но его следовало бы озаглавить «в своем ряду и в свой черед» [23].

Однако в дальнейшем, несмотря на критические замечания, направленные против заглавия «Один в поле не воин», оно за романом Шпильгагена в русском переводе закрепляется. В этом, конечно, сказалась точка зрения самого Г. Е. Благосветлова на главного героя романа — Лео Гутмана.

Признавая вслед за автором романа [3] и критиком «Дела» П. Н. Ткачевым [24] Лео Гутмана человеком будущего, Благосветлов, однако, считал, что он «шел неправильным путем». В предисловии к третьему изданию романа (1871), озаглавленном почти так же, как статья П. Ткачева,— «Люди будущего (Посвящаю моему сыну)», Благосветлов писал, что ошибка Лео заключается в негодных средствах, при помощи которых он пытался «совершить великое народное дело без народа... Это ошибка всех политических деятелей, которые искали силы там, где ее нет, и будет еще долго

---

[1] Подобная оценка романа Ф. Шпильгагена содержится и в работах других авторов: М. Л. Тронской [15], Г. В. Прохорова [16], Н. С. Травушкина [17, 18], А. В. Рассказова [19, 20], Н. М. Теплинской [21].

[2] По предложению В. Э. Бограда, возможно, им был В. С. Курочкин [22].

[3] Выпуская в свет второе издание романа (1868), Благосветлов снабдил его предисловием, в котором привел собственные слова Ф. Шпильгагена о том, что «настоящее и будущее принадлежит людям, подобным Лео».

ошибкой всех тех, кто предпринимает социальные реформы народной жизни без учета самого народа» [25]. Отсюда, как вывод, заглавие, заранее осуждающее героя,— «Один в поле не воин».

Кажется, нет ничего общего между романом Шпильгагена и романом Мачтета. Безусловно, ничто их не связывает и не объединяет, кроме того, что герои обоих романов — индивидуалисты. Но это индивидуалисты-антиподы!

Подлинный герой, индивидуалист Лео,— это человек будущего, который, однако, погибает, так как использует для своей благородной цели негодные средства, он — утверждается заглавием — «Один в поле не воин».

Антигерой, лакействующий индивидуалист Ясь,— это человек «из невозвратного прошлого», который, используя для своей низменной цели также негодные средства, однако, «выходит в люди», он — «И один в поле воин».

Естественно, что замысел романа Мачтета и его воплощение никак не связаны с романом Шпильгагена, но внетекстовое его заглавие «И один в поле воин» представляет не простое антонимическое варьирование известной русской поговорки, а основано на весьма удачном использовании чужого заглавия, на контрастной его трансформации, психологически обусловленной противопоставлением героя одного романа антигерою другого [4].

Употребленное в качестве заглавия первоначально с отрицательной коннотацией выражение *и один в поле воин*, ставшее впоследствии устойчивым, с течением времени в связи с забвением романа Мачтета ее утрачивает и начинает употребляться в прямом значении, вполне соответствующем таким русским пословицам, как *один, да зóрок, не надобно и сóрок; подчас и один стóит семерых.*

Именно в таком значении использовал это устойчивое выражение также в качестве заглавия современный украинский писатель Ю. П. Дольд-Михайлик, характеризуя им своего положительного героя-разведчика. Возможно, Ю. П. Дольд-Михайлику роман Мачтета не был известен, подобно тому как А. Т. Твардовский не знал о существовании романа П. Д. Боборыкина «Василий Теркин» [2, с. 30—31].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* О теории поэтической речи // ВЯ. 1962. № 2. С. 10—11.
2. *Блисковский З. Д.* Муки заголовка. М., 1981.
3. *Кожина Н. А.* Нечто большее, чем название // Рус. речь. 1984. № 6.
4. *Кржижановский С. Д.* Поэтика заглавий. М., 1931.
5. *Юрченко А. С.* И один в поле воин // Рус. речь. 1977. № 6.
6. *Надсон С. Я.* Литературные очерки. СПб, 1887. С. 99.
7. *Гаршин Евг.* Критические опыты. СПб, 1888. С. 165.
8. *Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы. 1848—1892. СПб, 1897. С. 381.
9. *Туканова К. С.* Н. Г. Чернышевский о Мачтете // Народ — герой русской литературы. Казань, 1966. С. 154.
10. *Физиков В. М.* Г. А. Мачтет. Жизнь и творчество: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 10.
11. *Титова В. Г.* Примечания к тексту // Г. А. Мачтет. Избранное. М., 1958. С. 598.
12. *Физиков В. М.* Г. А. Мачтет. Жизнь и творчество: Дис ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 152—153.
13. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959, С. 157.
14. *Шпильгаген Ф.* Один в поле не воин. Ч. 1. Л., 1929.
15. *Тронская М. Л.* Политические романы Шпильгагена // Ученые зап. ЛГУ. 1938. № 2. Сер. филол. наук. Вып. 1. С. 231—232.
16. *Прохоров Г. В.* Из цензурной истории перевода на русский язык романа Шпильгагена «Один в поле не воин» и предисловия к нему // Ученые зап. ЛГПИ им. Герцена. 1941. Т. 41. С. 359.

[4] Возникающие, возможно, сомнения в том, известен ли был роман Шпильгагена Мачтету, разрешаются положительно не только потому, что роман «Один в поле не воин» был особенно популярен именно в народнической среде, но и потому, что в рассказе Мачтета «Хамелеон» имеется прямое упоминание о шпильгагеновском герое Лео.

17. *Травушкин Н. С.* Зарубежная беллетристика в русском революционном обиходе // Из истории русской и зарубежной литератур. Саратов, 1968. С. 82—84.
18. *Травушкин Н. С.* Как читали в России роман Шпильгагена «Один в поле не воин»// Русская литература и освободительное движение. Казань, 1974. С. 51.
19. *Рассказов А. В.* Ф. Шпильгаген в оценке русской критики // Русско-зарубежные литературные связи. Горький, 1971. С. 197—204.
20. *Рассказов А. В.* Роман Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин» в оценке русской критики 90-х гг. XIX века // Литературные связи и традиции. Горький, 1973. С. 131—139.
21. *Теплинская Н. М.* Творчество Ф. Шпильгагена в оценке русских демократических журналов конца 60-х — начала 70-х годов XIX века // Рус. лит. 1977. № 3. С. 140—146.
22. *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки» 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971. С. 41, 369—370.
23. *Цебрикова М.* Герои молодой Германии («Один в поле не воин». «Молот и наковальня» Шпильгагена) // Отечественные записки. 1870. № 6. Отд. II. С. 209.
24. *Ткачев П.* Люди будущего и герои мещанства // Дело, 1868, № 4—5.
25. *Шпильгаген Ф.* Один в поле не воин. Изд. 3-е. СПб, 1871.